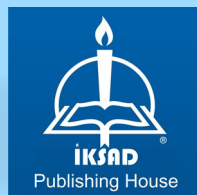

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.ГАФУРИ И Н.Ф. КАТАНОВА

СЕФЕРОВА ФЕРА
СЕФЕРОВА ЭСМА
РАМИЛЬ ВАЛЕЕВ
РОЗА ВАЛЕЕВА
ДМИТРИЙ МАРТЫНОВ
ВАЛЕНТИНА ТУГУЖЕКОВА

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
М.ГАФУРИ И Н.Ф. КАТАНОВА**

ISBN- 978-605-7510-46-4

**Institution Of Economic Development And Social
Researches Publications®**

(The Licence Number of Publicator: 2014/31220)

TURKEY TR: +90 342 606 06 75

USA: +1 631 685 0 853

E posta: kongreiksad@gmail.com

www.iksad.org

www.iksadkongre.org

Kitabın tüm hakları İKSAD Yayınevi'ne aittir.

İzinsiz çoğaltılamaz, kopyalanamaz.

Metinlerden etik ve yasal olarak yazarlar sorumludur

Iksad Publications- 2018© ISBN- 978-605-7510-46-4

СОДЕРЖАНИЕ

СЕФЕРОВА ФЕРА

ОБРАЗНАЯ СФЕРА КАРТИНЫ МИРА В ФИЛОСОФСКОЙ

ЛИРИКЕ М. ГАФУРИ

4

СЕФЕРОВА ЭСМА

КРЫМСКИЕ КОНТЕКСТЫ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ

ЛИРИКЕ МАЖИТА ГАФУРИ

17

РАМИЛЬ ВАЛЕЕВ

РОЗА ВАЛЕЕВА

ДМИТРИЙ МАРТЫНОВ

ВАЛЕНТИНА ТУГУЖЕКОВА

НАСЛЕДИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В ТВОРЧЕСТВЕ

КАТАНОВА Н. Ф.

(1888 - 1922)

28

**ОБРАЗНАЯ СФЕРА КАРТИНЫ МИРА В
ФИЛОСОФСКОЙ
ЛИРИКЕ М. ГАФУРИ**

Сеферова Фера

Асановна, к.фил.н.,

доцент

Интерес к сложному спектру явлений, касающихся взаимосвязи и взаимовлияния литератур тюркских народов, возник достаточно давно. Однако именно в настоящее время он представляет собой явление в высшей степени глубокое и характерное для нашего общества. Размышляя о характере преемственности культурных традиций, исследователи отмечают, что «каждая национальная литература, вовлечённая в литературные взаимосвязи, рождает «художественный мир», выражающий национальное

общественное самосознание, являющийся отношением народа к истории и представляющий аккумулятор исторического опыта и творческой энергии народа» [1, с.175]. Исследование народно-художественных традиций в литературах тюркских народов позволяет глубоко проникнуть в природу литературной преемственности и писательского новаторства. М. М. Бахтин писал: «Если нельзя изучать литературу в отрыве от всей культуры эпохи, то ещё более пагубно замыкать литературное явление в одной эпохе его создания, в его, так сказать, современности. Мы обычно стремимся объяснить писателя и его произведения именно из его современности и ближайшего прошлого (обычно в пределах эпохи, как мы её понимаем). Мы боимся отойти во времени далеко от изучаемого явления. Между тем, произведение уходит своими корнями в далёкое прошлое» [15, с.504]. Творчество Мажита Гафури является ярким феноменом межкультурного взаимодействия и

взаимообогащения и представляет интерес для изучения межкультурных связей в тюркском мире. Его произведения отличаются смысловой глубиной, детализацией, художественным своеобразием, тонким народным юмором, что привлекает внимание не только литературоведов, но и специалистов-культурологов, массового читателя. Методом выборки из сборников поэта отдельных стихотворений в переводах Н. Туричиной, С. Чураевой, В. Звягинцевой, П. Шубина рассмотрим своеобразие художественного воплощения картины мира М. Гафури.

Магия художественного слова М. Гафури проявляется в разнообразных аспектах: характерах, образах, конфликтах, композиции, художественно-изобразительных средствах, органических связях, прежде всего с фольклором, живым устным народным языком, с его чеканными, но тонкими поэтическими интонациями, певучей фразой. «С начала XX века в связи с развитием реалистического

метода в литературе в татарской поэзии формируется новая поэтика, отрицающая былую жанровую определённую, – пишет в своём исследовании Н. Г. Юзеев.– Расплывчатыми стали границы между лирикой и поэзией вообще. Этому способствовала и популярная в 20-30-е годы теория «синтеза лирики и эпоса», следствием чего явилось нейтральное отношение к классификации лирических форм и жанров» [3, с.197]. Если в начале XX века в поэзии Гафури властвует светлый, праздничный мир слова и звучания, который увлекает благодаря пристальному вниманию к звуку и его семантике, то в 20-30 годы это философские размышления о жизни и смерти, о любви, стихи о природе родного края. Самоидентификация лирического героя М.Гафури и осознание им своих творческих задач не столь радикальны. Облик поэта-пророка подвергается глубокому осмыслению, к примеру, в стихотворении « Стихи радости»: «Эй, перо, веселей Нажимай что есть сил! Эй, перо, потрудись, не жалея чернил! Я

народу письмо-поздравление пишу: Горе из дому прочь, светлый час наступил!». Лирический герой М.Гафури в полной мере осознаёт святость своего ремесла и исповедует позицию праведничества поэта. Его убеждённость в том, что он – «никому не слуга», уверенность в том, что “совесть превыше всего, она всех сокровищ ценней” рельефно проступает в контексте стихотворения «Совесть»: «Ей лишь внимаю одной, советуюсь в жизни лишь с ней. Я никому не слуга, она лишь царица моя. Власть её – радость души и смысл моего бытия».

Образная сфера картины мира М. Гафури, воплощённая в его лирике, в соответствии с типологией, предложенной В. Е.Хализевым, соответствует определению «обновлённая классическая (неоклассическая)», поскольку вбирает в себя «представления как об извечной динамике унисвеса и неустранимых диссонансах в его составе, так и об устойчивости, упорядоченности бытия и его гармонических начал» [4, с.26].

Презентует картину мира мастера слова философский, пейзажный дискурс лирики М. Гафури, отличительной чертой её является цельность и гармоничность. Отметим, что современные литературоведы «под картиной мира понимают мир в представлении человека-субъекта. Структурными элементами картины мира являются субъектная сфера, пространственно-временной континуум, образная организация, сюжет» [5, с.53]. Мы видим, что природа в стихотворении настолько очеловечена, настолько вписана в мир авторских эмоций, что читателя не покидает ощущение полной и гармоничной слиянности человека и родной стихии. И, действительно, в творчестве М. Гафури поэтика контрастов, яркая восточная метафоричность соседствует с – импрессионистскими мягкими полутонами; явно идущая от восточной поэтики афористическая заострённость нравственных сентенций и нормативная определённость тематики – с психологизмом, с интонацией вопроса, намёка и

раздумья [6, с.115]. Мотив быстротечности времени, образ постоянной изменчивости судьбы, истории, природы постоянно присутствует в стихотворениях М. Гафури. Коллизия жизнь /смерть в поэзии М. Гафури осмысливается в аспекте трагической неумолимости времени, мимолётности жизни: «Мажит, потерь неотвратимы дни – Уйдёт друзей-товарищей поток, Ты надоешь им, а тебе – они, Без общих дел уймёшься, одиноко». Традиционная для мировой поэзии тема художника обретает у М. Гафури острое, напряженное силовое поле воздействия на сознание современной ему личности, ибо, решая «вечный» вопрос о возможностях Слова, его власти над людскими душами, её влияния на ход истории, поэт и сам проходит сложный путь переживаний человека начала XX столетия: «Было б так, о мой бог, если б дал ты такую мне силу, Чтоб волшебною ночью в прекрасное небо взлетел я, Сам горел, как звезда, и чтоб сердце моё не остыло, Чтобы был я как бог и свои позабыл бы сомненья».

Интересно, как писатель пользуясь различными средствами (здесь мы имеем в виду образную систему, звукопись, созвучие образов-метафор) передаёт и динамику восторга и разочарования, зрелости и мудрости – целую гамму чувств человека... Основным тоном в лирике поэта становится исповедальность, искренность признаний. Обращаясь к осмыслению бытия, автор достигает философских глубин, стремление к познанию сущности жизни и смерти, добра и зла, места человека в мире у него, несомненно, присутствует: «Смерти самой не страшусь, упрямо в глаза ей гляжу, – Но перед совестью я, точно ребенок, дрожу. Силой великой она и грязь победит, и порок, Ею мир озарен, она лишь – мой жребий и рок». Лирический герой также вовлечён во всеобщий круговорот, спонтанное движение, постоянно оперируя понятиями, характеризующими беспредельность, бездну: «Ах, как трудно! Не счесть впереди, я предчувствую, зла Тело здесь, а душа по

бесчисленным странам пошла»... Обращаясь к осмыслению бытия, автор достигает философских глубин, стремление к познанию сущности жизни и смерти, добра и зла, места человека в мире у него, несомненно, присутствует. Его миниатюры «Грущу, когда один...», «Словно месяц в ночи...», «Если бы стала ты цветком, любовь моя...» можно сравнить с четырёхгранными сотами, которые заключают не только мёд, но и горечь наблюдений над своим временем:

Когда на вещь, который быть дано
Светлей воды, белее молока,
Ложится даже малое пятно,
Оно заметно всем издалика.

Поэтика М.Гафури обнаруживает множество неожиданных схождения новых научных и философских знаний и старинных культурных символов, фольклорных элементов. Так, образ неба

– один из «сквозных» образов в творчестве поэта. Оно неоднозначно – как неоднозначно восприятие им самой жизни. Иногда оно олицетворяет острое желание поэта: “Чтоб волшебною ночью в прекрасное небо взлетел я”, иногда грозное величье “Грянув с неба грозой, грохоча и гремя”, а чаще всего традиционное миропонимание “Да поможет нам небо в великих делах!” Знаменательно, что в стихотворении, написанном в 1926 году «День за днём отрастает щетина, как всходы души...» зашифрована ключевая семантика:

День за днём отрастает щетина, как всходы души,

Их срезая, бреду я по жизни – в болотной глуши...

Рассыпаюсь я искрами весь, распахнув свою грудь,

Из тумана и топи они освещают мне путь
(курсив наш – Ф.С.).

Эти строки – образец удивительной ёмкости и поэтической экономии средств и в то же время смысловой плотности, когда в пределах малого словесного пространства уместилось сразу же несколько символических метафор – жизнь в сравнении с болотной глушью, поэт в сравнении с рассыпающимися искрами. Нам думается, что это такое качество поэтики, которое несёт на себе отражение той сложной семантики и стилистики, которая за видимым подразумевало иное, изобиловала контрастами.

Таким образом, произведения, в разные годы написанные М.Гафури, преисполнены определённой идейно-философской направленности и художественной выразительности. Они воссоздают важнейшие этапы духовной эволюции поэта, примечательные вехи пути его лирического героя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нигматуллин Э.Г. Творческая позиция писателя в свете изучения литературных взаимосвязей / Фольклор, литература и история Востока Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. – Изд. «ФАН», Ташкент, 1984г.– С.175 – 178.

2. Бахтин М.М..Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / Сост.С.Бочаров и В.Кожин.- М.: Худож.лит., 1986. – С.501 – 508.

3. Н.Г.Юзеев. Коассификация лирических форм и тенденции разъединения и синтеза в лирической поэзии / Фольклор, литература и история Востока Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. – Изд. «ФАН», Ташкент, 1984г. – 196 – 201.

4.Хализев В.Б. Теория литературы: учебник / В.Е.Хализев. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш.шк., 2002. – 437 с.

5. Остапенко И.В. Природа в русской лирике 1960-1980-х годов: от пейзажа к картине мира: монография / И.В. Остапенко– Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012.– 432 с.

6. Сеферова Ф.А. Этические идеалы крымскотатарской прозы 60–80 гг XX века: монография / Ф.А. Сеферова – Симферополь: «ДОЛЯ». – 208 с.

**КРЫМСКИЕ КОНТЕКСТЫ В
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИРИКЕ
МАЖИТА ГАФУРИ**

Сеферова Эсма, специалист

по

учебно-методической работе

ГБОУ во РК «Крымский Инженерно-

Педагогический Университет»

Имя видного башкирского писателя, поэта Мажита Гафури стало известно крымскотатарским читателям в 20-ые годы XX века. Преодолевая тяжелую болезнь в 1922 году поэт посетил Крым. С увлечением ходил он по берегу Чёрного моря, по узким городским улицам, знакомился с сельскими жителями, крымскотатарской интеллигенцией. Ему нравилось, признавался он, перекинуться с парой-другой слов с местными жителями, обсудить новинки литературы с поэтами Крыма [1, с.93]. Особенно запомнились ему Черное море, крымский пейзаж,

горы, и надо отметить, память о Крыме, продолжала влиять на его жизнь и творчество. Вспомним ещё, что истинно любящий свой край М.Гафури, всегда понимал боль земли далёкой крымской. Ведь так рождается настоящая дружба народов.

Поскольку сам поэт оставил не так уж много собственных свидетельств о своём посещении Крыма, судить о его взглядах мы можем исходя из его произведений и воспоминаний его близких и современников. Живой интерес М. Гафури к Крыму отмечали многие его современники. Так, Ахат Салихов в статье «Культурные, литературные связи между башкирским и крымскотатарским народами» приводит воспоминания поэта Сайфи Кудаша, в которых отмечено восхищение Мажита Гафури Чёрным морем и желание переехать с семьёй в Крым». Сохранились записи по которым тоже можно судить об отношении поэта к югу, к Крыму: «Только после революции я понял смысл жизни. Я пришел к

выводу о том, что люди добиваются свободы только через многие жертвы и страдания. С этой мыслью я жил в течение долгих лет и вот уже пришел к прекрасной весне 1923 года. Я теперь очень рад, как птица, прилетевшая с юга» [2, с.96]. Влюбленность в Крым, его славное настоящее и великое прошлое придаёт поэтическим произведениям писателя ту степень реалистической достоверности, которая делает их интересными и важными не только у себя дома, но и в Крыму. Подобное наблюдение встречается и в статье Т.Н.Галиуллина «Роль национальных художественно-эстетических традиций в становлении принципов социалистического реализма в татарской советской поэзии». Так исследователь пишет: «К середине 20-годов метод социалистического реализма наиболее рельефно проявился в творчестве Х.Такташа, Х.Туфана, М.Гафури, но процесс его формирования шёл на протяжении всего десятилетия. Строго реалистическая, размеренная поэзия М.Гафури

наполняется раскованной энергией, романтическим пафосом, лирико-публицистическим напором» [3, с.217-218].

Поиск слова, поиск своего решения, открывающего своё видение мира, особенно заметен в автобиографической лирике М. Гафури. Поэт, сохраняя глубинные связи с традициями инонациональных литератур, сознательно углубляет национальную направленность своих произведений, которые принято называть программными [4, с.56]. Стихотворения «В дороге», «На берегу моря», «Крымские цветы» обнаружили большую наблюдательность автора, его уважение и сочувствие к крымскотатарскому народу, знание местных обычаев. Это и мастерские пейзажные зарисовки, яркие описание восточных достопримечательностей, колоритные этнографические и бытовые картины.

В стихотворении «Крымские цветы» сквозь воздух, прокалённый степным зноем, проступают, а затем становятся явью крымские «яйла»-долины,

горные дороги, мечети... Глядя на весенний крымский пейзаж, радуясь, что «Один цветок, как блеск зари, /и пышен и красив,/ Другой — в смущении поник,/ головку чуть склонив», поэт ощущает реальность как единство контрастов. Сплетение, несовместимых, на первый взгляд, начал высекает огонь развёрнутой метафоры в следующих строках: «Иной цветок с влюбленным схож, — он красен, словно кровь Того, кто муку испытал, чье сердце жжет любовь». В элегической печали, в жажде и горечи следующих строк, узнаётся личность их создателя: «Взгляни на этот — и Дильбар невольно вспомнишь ты, Розовощековую Дильбар в сиянье красоты». Здесь и метафоры, сравнения, тропы, «оживляющие» природу, сближающие её с человеком. Одна строка, а какой портрет Дильбар! На весеннем лугу он вдруг заметил, что «цветы с влюбленными схожи», они головку чуть склонили». Крымский пейзаж в стихотворении «Крымские цветы» многоцветен,

объёмен, динамичен. Здесь и точность наблюдений и описаний, в которых ритм, звук, строение строки – всё это соответствует «предмету» изображения, служит созданию яркого поэтического образа древнего края. Связь образов времени и красоты – важная грань историзма М.Гафури, дающего нам ощутить, что только истинно человеческое, гуманистическое начало мира есть залог его развития и вечности. Главное же достоинство стихотворения заключается в особом видении материала (пейзажа), преломлённого сквозь призму личного отношения автора к предмету, когда известные явления, предметы высвечиваются в новом ракурсе, где каждый из них может быть разным, как живой организм в изменчивом состоянии и настроении – от величавой монументальности до тихой задумчивой интимности: « А этот вот... что с ним, скажи? Он от смущенья рдян О муках страсти говорит его склонённый стан Он изнемог, он робко ждёт любимую свою, Он истомился, устремясь навстречу

соловью». Как видим, органическое восприятие бытия, способность в неё погрузиться, полнозвучие, насыщенность красками – наполняют это стихотворение.

«В дороге» – это одно из самых драматических стихотворений с отчетливо выраженным лирическим сюжетом. М.Гафури стремится сохранить свежесть впечатлений от поездки в Крым. Читатель становится свидетелем бурной истории родного края поэта, края «чарующих снегов и метелей» с детства приучившего лирического героя М.Гафури ценить и беречь землю, которая заставляет человека на чужбине вспомнить и «Ак-Идели и Дёмы, и Полярную звезду». Поэта манит зов предков, волнует чувство корня. Гордость за героическое прошлое и сочувствие народу и его сложной исторической судьбе ощущается в строках: «Когда говорят о юге, Крым раем земным назовут. Но Ак-идели и Дёмы, слепцы, в Крыму не найдут».

М.Гафури противопоставляет югу, то есть, «Крыму, земному раю» свою Отчизну, над которой «Полярная звезда», «Ак-Идели и Дёмы». Пейзажи насыщены множеством реальных деталей, за любой из них скрыто конкретное переживание поэта. Уют заснеженной деревни, «безотрадные, убогие просторы, чарующая красота снегов и метелей, лицо «любимой Отчизны»– весь этот набор яви, воспоминаний, ассоциаций образует в стихотворении «В дороге» некую новую реальность, столь убедительную, что она превращается в часть жизненного опыта поэта: «Родные места, где всюду был кров одинокому мне, Где плакал я горько впервые и где грустил в тишине». Интересно, как поэт различными приёмами и европейского и восточного стиха (рифмовка, строфика, звукопись, образная система и т.п.) передаёт целую гамму чувств; как он постигает мир души, человека, горячо любящего свою Родину: Отчизна! Тебя покинув, огнем твоим сердце зажег, Сияньем твоим

пламенеет жар этих певучих строк. На наш взгляд, в стихотворении М.Гафури проступает двойственность мироощущения поэта, которая находит своё выражение в горькой иронии, на сплетении надежды и тревоги. Простая поэзия частной жизни, память о своих корнях, дар сопереживания дают возможность приблизиться к главному – ощутить себя частью мира, в бытие прозреть черты бытия[5, с.121].

Часто говорят о многокрасочности палитры того или иного поэта. По отношению к М. Гафури это не просто расхожая ассоциация, ибо подобное суждение касается не только масштабности проблематики или разносторонности поэтики, но и конкретного, цветового многообразия его лирики. Ее краски и оттенки воплощают целую радугу чувств – светлых и печальных, пронзительных и нежных, теплых и холодных. Так, один цвет – красный («как яркая звезда», «красен словно кровь», рдян и т.п.) – представляет собой по сути один точно избранный

опорный образ стихотворений М. Гафури. Явная, казалось бы, однозначность чувств (поклонения, уважения, восхищения) влюбленного в свою отчизну героя, передана здесь как бы кистью живописца – красками и оттенками цветовой стихии, выражающей и национальный облик родины-матери и глубину переживания, раскрытого в « сиянье красоты», в источении дивного света и струящегося аромата цветов, образах высоких гор и зелёных лесов, близкой и далёкой, но такой родной и желанной Башкирии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Шемьи-заде Э. Эдебий ве тенькидий макъалелер / Э.Шемьи-заде. – Симферополь: «Доля».– 2000.– 248 с.
2. Салихов А. Башкъырт ве кырымтатар халкълары арасаныда медений, эдебий алякълар (Перевод) // Йылдыз, №1.– 2015 –С. 93-100.

3. Т.Н. Галиуллин Роль национальных художественно-эстетических традиций в становлении принципов социалистического реализма в татарской советской поэзии / Фольклор, литература и история Востока Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. – Изд. «ФАН», Ташкент, 1984г.

4. Сеферова Ф.А. Традиции и новаторство крымскотатарской поэзии: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Ф.А.Сеферова. – Симферополь: ИТ« Лемешко», 2011. – 178 с. – На крымскотатарском языке.

5. Сеферова Ф.А. «Эстетика крымскотатарской поэзии» учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Ф.А.Сеферова. – Симферополь: ИТ«Ариал», 2015. – 272 с. – На крымскотатарском языке. ISBN 978-5-906813-90-9

НАСЛЕДИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В

ТВОРЧЕСТВЕ

КАТАНОВА Н. Ф. (1888 - 1922) ¹

Рамиль Валеев

*Казанский
федеральный университет (Россия)*

Роза Валеева

*Казанский
инновационный университет (Россия)*

Дмитрий Мартынов

*Казанский
федеральный университет (Россия)*

Валентина Тугужекова

*Хакасский научно-
исследовательский институт
языка,
литературы и истории (Россия)*

---

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-49-160014.

Аннотация.

В докладе обобщены современные оригинальные научные материалы и оценки, посвящённые биографии и наследию хакасского востоковеда-просветителя, тюрколога, профессора, зав. кафедрой турецко-татарского языка Казанского университета Н.Ф. Катанова (1862 - 1922). Его научно-исследовательская, педагогическая, и общественная деятельность внесла огромный вклад в российскую и европейскую ориенталистику и тюркологию XIX – XX вв. Профессор Н.Ф.Катанов – один из выдающихся национальных учёных, представителей российской науки, образования и культуры XIX-XXI вв. Его жизненный путь и наследие отразили важные события и тенденции отечественного и мирового востоковедения и тюркологии.

In this work all contemporary scientific materials and assessments about the biography and legacy of the Khakass orientalist, educationalist, turkologist, professor, head of the Department of Turkish-Tatar

language of Kazan University N.F. Katanov (1862 - 1922). His research work, teaching and social work contributed a great deal to the Russian and European orientalism and turkology of the 19th – 21st centuries. Professor N.F. Katanov is one of the most prominent national scholars who represent Russian science, education and culture of the 19th – 21st centuries. His life and legacy reflects the important events and trends of Russian and global orientalism and turkology.

Ключевые слова. Россия, Восток, Тюркология, Н. Ф. Катанов. Russia, East, Turkology, N.F. Katanov.

Российские университеты - ведущие центры востоковедения и в целом общественной, научной, культурной и политической элиты в России и Европе. На современном этапе социальный и академический интерес представляет дальнейшее изучение развития университетского образования и науки о Востоке и конечно, тюркского мира, осмысление "университетской идеи" феномена восточных (тюркского) цивилизаций и особенно формирования

национальной научной и культурной элиты. В центре доклада авторов научного проекта - биография личности и творческое наследие выпускника восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1888) и профессора Казанского университета Н. Ф. Катанова (1894-1922).

К сожалению, даже на современном этапе не сформировался целостный "академический" образ тюрколога, путешественника и просветителя Н. Ф. Катанова. Известный тюрколог В.А.Гордлевский в связи с кончиной казанского профессора в статье «Памяти Н.Ф.Катанова», напечатанной в журнале «Новый Восток», отмечал, что «русское востоковедение потеряло в нем хорошего знатока современных тюркских языков, который тщательно транскрибировал и интерпретировал тексты. Неотшлифованные камни клал он для здания тюркологии...». Выдающийся тюрколог А.Н.Самойлович в небольшом некрологе «Памяти

Н.Ф.Катанова», напечатанном в журнале «Восток», писал: «Хотелось бы надеяться, что давно ожидаемое ученым миром опубликование неизданных лингвистических и этнографических собраний Н.Ф.Катанова будет осуществлено после его смерти, а до издания материалы эти будут сохранены в надежном месте». К сожалению, много ценного из наследия востоковеда-тюрколога не было напечатано в 1920-е и последующие десятилетия XX в. Публикации, отдающие дань памяти крупного российского востоковеда, не смогли отразить наиболее существенные результаты его научной деятельности как лингвиста, этнографа, исследователя народного творчества, нумизмата и путешественника.

Выдающийся хакасский тюрколог-энциклопедист и просветитель-гуманист Н.Ф.Катанов (1862–1922 гг.) – выпускник восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1888), доктор сравнительного языкознания, заведующий кафедрой

тюрко-татарской словесности, профессор Казанского университета (1894–1922 гг.) - стал крупнейшим представителем в истории европейской тюркологии двух особых эпох, Радловской и Томсенской (А. Н.Самойлович).

Основные этапы научно-исследовательской, педагогической и общественной деятельности Н.Ф. Катанова (учеба в Санкт-Петербургском университете (1884–1888 гг.), научная экспедиция в Южную Сибирь и Восточный Туркестан (1889–1892 гг.), преподавательская, научная и общественная работа в Казани (1894–1922 гг.) отражают традиционные и новые направления в истории отечественной и европейской тюркологии, особенности его научного, общественного и гуманистического вклада в лингвистическое, фольклористическое, литературоведческое и историко-этнографическое изучение тюркских народов Евразии в последней четверти XIX — начале XX в.[1].

Судьба и наследие Н. Ф. Катанова ярко отразила тенденцию в рамках которой, во второй половине XVIII – начале XX вв. востоковедение, в частности тюркология постепенно приобретают подлинно академический, комплексный и междисциплинарный характер. Именно в последней четверти XIX в. ведущими отечественными учеными-ориенталистами была сформулирована основная задача – передавать студентам и обобщать «все знания относительно Востока, добываемые наукой, а не одни только языки его» [2:176]. Во взаимосвязанной академической и университетской тюркологии в XIX – начале XX вв. формировались и развивались филологические и культурно-исторические дисциплины, новые методики и приемы исследований народов и стран тюркского мира. На рубеже XIX – XX вв. в Академии наук и российских университетах (Московском, Казанском, Санкт-Петербургском и др.) сформировалась классическая тюркология, занимавшаяся изучением

мертвых и живых тюркских языков, литературы и исторических памятников, древней и средневековой истории и культуры народов тюркского Востока, прежде всего тюркоязычных территорий и народов императорской России.

Ключевые тенденции и явления российской тюркологии рубежа веков особенно заметны в творчестве Н.Ф. Катанова в Санкт-Петербурге и Казани.

В России классическая тюркология стала актуальной и востребованной в социально-политическом аспекте, научной и прикладной дисциплиной мирового востоковедения. Стержнем развивающейся классической тюркологии в России становятся ориентация академических и университетских центров на изучение тюркских языков, исследование памятников тюркоязычной классической (современной) словесности и материальной культуры тюркских народов России и зарубежных тюркских государств и народов. На

рубеже XIX – XX вв. в академической и университетской тюркологии были сформулированы важные мировоззренческие, методологические и культурные (языковедческие, этнографические, эпиграфические и др.) выводы об историко-культурном наследии тюркского мира.

В отечественной тюркологии формировались и развивались исследовательские принципы и идеи по следующим направлениям: языковедческое, литературоведческое, историко-филологическое, сравнительно-историческое, источниковедческое, культурологическое и т.д. В целом в ключевых центрах Российской империи и СССР (Москва, Казань, Санкт-Петербург, Баку, Киев и др.) можно выделить две ключевые взаимосвязанные институциональные тенденции тюркологических исследований – традиционно регионально-страноведческую и проблемно-тематическую.

Университетское изучение и исследование тюркского социополитического, культурного и

этнолингвистического пространства Евразии является давней и значимой социокультурной и научной традицией, в частности в Казани. При этом важную роль тюркское политическое и культурное наследие играло в истории и культуре народов России и современных суверенных тюркских государств – Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана. Исследования отечественных тюркологов имели широкий региональный, хронологический и проблемный диапазон.

В 1769 – 1920-х гг. в Казани и Казанском университете шло преподавание тюркских языков и проводились тюркологические исследования по истории и культуре современных тюркских народов России и стран СНГ. Казанский университет, прежде всего его профессора и преподаватели, связанные с тюркологией, внесли значимый вклад в дальнейшее развитие историко-культурных и научных связей

России с современными тюркоязычными государствами.

В истории и культуре народов Поволжья и Приуралья, а также в истории казанского востоковедения XIX – начала XX вв., в первую очередь университетской ориенталистики, тюркология, особенно связанная с османистикой, арабистикой, иранистикой, исламоведением и монголоведением, занимает важное и почетное место. Истоки и развитие казанской научной школы российской тюркологии XIX – начала XX вв. свидетельствует в основном об историко-филологической и сравнительно-исторической направленности и комплексности исследований.

В Санкт-Петербургский и Казанский периоды деятельности в 1888 – 1922-е годы символом тюркологических исследований стал профессор Н. Ф. Катанов.

В основе формирования казанского центра университетской тюркологии XIX – начала XX вв.

лежали внешнеполитические, торгово-экономические и научно-культурные связи России со странами Востока и тюркского мира, масштабные задачи геополитического и социокультурного освоения тюркоязычного пространства имперской России, европейские традиции ориентального образования и науки и, прежде всего, самобытные национальные научные школы и культуры многих тюркских народов Российской империи – татар, азербайджанцев, казахов, киргизов, хакасов и др.

Истоки университетского преподавания традиционных тюрко-татарских языков в Казани связаны с Первой Казанской гимназией (образована в 1759 г.), где с 1769 г. началось преподавание татарского языка. Преподавателями татарского языка на протяжении многих лет были известные педагоги-просветители Сагит Хальфин (1732–1785 гг.), Исхак Хальфин (? – 1800 гг.) и Ибрагим Хальфин (1778 – 1829 гг.).

В своем фундаментальном исследовании «История изучения тюркских языков в России» академик А.Н.Кононов, подчеркнув значение преподавания татарского языка в Казани в конце 60-х гг. XVIII в., отметил: «Именно эти годы следует считать началом научного этапа в истории отечественной тюркологии, которому предшествовал многовековой период практического знакомства русских с тюркскими языками» [2: 201].

Сагит Хальфин известен как автор первого в России печатного светского татарского букваря («Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов». М., 1778). Он составил «Русско-татарский словарь», который был переписан в 1785 г. его сыном Исхаком Хальфиным. «Татарский словарь, в пользу обучающегося при Казанских гимназиях юношества татарскому языку, сочиненный при оных же гимназиях» (1785 г.) Сагита Хальфина сохранился в трех рукописных списках в востоковедных фондах Казани, Москвы и Санкт-

Петербурга. По оценке А.Н.Кононова, «Татарский словарь» Сагита Хальфина служит свидетельством глубокого знания тюркских языков в России и «является ценным памятником тюркской лексикографии, заслуживающим специального исследования» [3: 272].

Ибрагим Хальфин вошел в историю российской тюркологии первой четверти XIX в. как преподаватель татарского и арабского языков в гимназии и университете, а также как автор работ в области тюркского языкознания и источниковедения («Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в Казанской гимназии», 1809, 1812 и др.). В 1825 г. совместно с Х.Д.Френом им была издана «Родословная тюрок» хивинского хана и историка Абуль-Гази Бахадур-хана (1603–1663 гг.), содержащая историко-культурные материалы по средневековой истории тюркских народов Евразии.

Традиция преподавания тюркских языков, в том числе татарского языка была продолжена в университете Н.Ф. Катановым. С ним в переломный период истории казанского востоковедения и тюркологии на рубеже XIX – XX вв. связано возрождение научных, гуманистических образовательных и культурных традиций изучения тюркского пространства российской империи. В плеяде казанских тюркологов тюркского происхождения были династия Хальфиных, Мирза А. Казем-Бек, М.–Г. Махмудов и др., на рубеже XIX – XX вв. был Н. Ф. Катанов. Именно они сыграли важную роль в реализации исследовательских и социокультурных тенденций в истории российской тюркологии.

Судьба и наследие Н.Ф. Катанова во многом связана с той эпохой истории «евразийской» тюркологии, когда, по образной оценке А.Н.Самойловича в 1928 г.: «Наша страна, и поныне еще сравнительно бедная культурными силами, все

же смогла благодаря своему географическому положению с XVIII в. приступить к собиранию и накоплению обширных и ценных материалов как по живым турецким диалектам Восточной Европы, Сибири и Средней Азии, так и по письменным турецким языкам трудами просвещенных представителей собственного своего населения и приезжих иностранцев» [4:147]. Именно в Казани и Казанском университете Н.Ф.Катанов сформировался как ярчайший представитель национальной школы российской тюркологии. С его личностью в Казани развивалась модель университетской дисциплины о тюрках, где проявились общеевропейские и национальные тенденции и формы ориенталистики и тюркологии. Традиция ориентации российской тюркологии на европейскую институциональную модель была усилена известной и преемственной линией активного участия различных представителей восточных (тюркоязычных) народов в университетах

России XIX – начала XX вв., в том числе Н.Ф.Катановым.

Он осуществлял свою деятельность в переломный период казанского университетского востоковедения, когда уже не существовала известная модель изучения Востока, в том числе основных курсов восточных языков (арабского, турецко-татарского, персидского и монгольского) в разряде восточной словесности философского факультета Казанского университета. Данная структура была основой институционализации тюркологических исследований в университетах России в первой половине XIX в.

Как известно, Указы Николая I «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете и о создании в Петербурге Азиатского института» (ноябрь 1851 г.) и «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете» (октябрь 1854 г.) предопределили

новую правительственную политику по созданию ведущего востоковедческого центра России в Петербурге. Тем не менее, прежде всего, институционализация тюркологии и тюркологические комплексные исследования развивались в университете и в других образовательных и научных центрах Казани и в целом в России во второй половине XIX – впервые десятилетия XX вв. Только произошедшие в конце 1920-х – 1930-х гг. революционные социально-политические катаклизмы и внутриуниверситетские изменения в статусе предмета востоковедения повлияли на уничтожение комплексной тюркологии в Казани. Во многом творчество Н.Ф.Катанова продемонстрировало величие его наследия в истории европейской и отечественной тюркологии.

Также деятельность Н.Ф.Катанова в Казани во многом связана с исследованием истории и культуры народов тюркского сформированным в первой половине XIX в. по направлениям:

подготовка и издание учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий, словарей; комплектация фонда рукописей и книг; сбор, изучение и публикация письменных и материальных памятников и источников; переводы авторов; осуществление научных путешествий на тюркский Восток; подготовка и публикация оригинальных филологических, исторических, культурологических, естественно-географических, археологических и этнографических публикаций и т.д.

Во многом с наследием Н.Ф.Катанова и его соратников во второй половине XIX – первых десятилетиях XX вв. в Казани и Казанском университете прослеживается тенденция институционализации и профессионализации университетской и академической дисциплины – комплексной тюркологии в рамках исследования арабо-мусульманского мира и тюркской цивилизации. С полной достоверностью мы можем говорить о преимственности в формировании и

развитии тюркологических исследований в Казани в XIX – начале XX вв.

Н.Ф.Катанов (1862–1922 гг.) – один из крупнейших хакасских учёных-просветителей и подвижников российской тюркологии, образования и культуры. Его многообразная научная и педагогическая деятельность – яркое свидетельство развития в России тюркологической науки на рубеже XIX–XX вв. Научное наследие и судьба учёного в значительной степени отражают единство и многообразие истории и культур тюркоязычных народов России и других регионов [5]. Профессор Казанского университета стал одним из крупных представителей лингвистической и историко-этнографической линии российской и европейской тюркологии, ориентированной не только на письменную, особенно на живую культурную традицию тюркских народов Евразии [6].

Исследования Н.Ф.Катанова, посвящённые языкознанию, фольклористике, музейному делу,

нумизматике, библиографии, традиционным и новым формам экономической и социальной жизни, быту, фольклору и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Синьцзяня, Поволжья и Приуралья, выдвинули его в ряд крупнейших востоковедов России и Европы. Его вклад в развитие тюркологии поистине неоценим, хотя из-за отсутствия в то время социальных и педагогических условий ему не удалось создать в Казани научную школу российской тюркологии.

В истории российской тюркологии, в том числе казанского центра отечественной тюркологии периода конца XIX – начала XX вв. следует выделить и увековечить имя Н. Ф. Катанова, который сыграл важную роль в этом уникальном научном и культурном сотрудничестве.

В перспективе представляется актуальным комплексное исследование истории формирования и развития тюркологии в России, Европе, современных тюркских государствах как

университетского направления и дисциплины – базовых представлений относительно изучения древних и современных тюркских языков, классической и современной тюркской литературы, истории тюркоязычных народов и государств, научного издания письменных и эпиграфических памятников; методологии, объекта и предмета анализа, форм и особенностей взаимодействия основных тюркологических центров; биографий и наследия известных и забытых востоковедов-тюркологов ключевых институциональных центров науки, занимавшихся изучением тюркского Востока в Российской империи/СССР и суверенных тюркоязычных государствах.

В целом творчество и наследие Н.Ф.Катанова имеет исключительное научное, культурное и воспитательное значение на рубеже нового тысячелетия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. См.: Гордлевский В.А. Памяти Н.Ф.Катанова. 1862-1922 // Новый Восток. –1922. – Кн.1;
2. Самойлович А. Памяти Н.Ф.Катанова // Восток. –1922. –Кн.1; Малов С.Е. Н.Ф.Катанов, проф. Казанского университета (1862–1922 гг.). К 95-летию со дня рождения//Вестник Академии наук Казахской ССР. –1958.–№ 5 (158);
3. Николай Федорович Катанов: Материалы и сообщения. Абакан, 1958; Материалы и сообщения. К 100-летию со дня рождения Н.Ф.Катанова (1862–1962) // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. – Кызыл, 1963. Вып. X, С.211–235;
4. Исхаков Г.И. Тюркологическая деятельность профессора Казанского университета Николая Федоровича Катанова (1862-1922 гг.) // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. – Казань, 1964; Материалы научной конференции,

посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.Ф.Катанова // Ученые записки Хакасск. НИИЯЛИ. 1964. Вып. X. С. 68– 159;

5. Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов (Очерк жизни и деятельности). Изд.2-е. М.,1973; Каримуллин А.Н. Н.Ф.Катанов – библиограф и книговед // Книги и люди: Исследование. Казань, 1985;

6. Кокова И.Ф. Н.Ф.Катанов: Документально-публицистическое эссе. Абакан, 1993; Катановские чтения. Сб. статей. Казань, 1998;

7. Катанов Н.Ф. Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии (Предисл., составл., подг. статей и текстов, пер. В.Е.Майногашевой, подбор научных статей В.Н.Тугужековой). – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2000, С. 355–544;

8. Научное наследие Н.Ф.Катанова и современное востоковедение. Материалы международной научной конференции,

посвященной 140-летию со дня рождения Н.Ф.Катанова. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. университета им. Н.Ф.Катанова, 2003;

9. Наследие Н.Ф.Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения международного научного семинара. 30 июня–1 июля 2005 г. – Казань, 2006;

10. Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии. – Казань-Абакан, 2008–2009;

11. Эпистолярное наследие Н.Ф. Катанова (К 155-летию со дня рождения) / Сост. Валеев Р.М., Тугужекова В.Н., Чочиева А.С., Ермилова В.В., Рябцева А.М. –2-е изд., доп. – Абакан: ООО "Книжное издательство «Бригантина», 2016;

12. Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-

сотрудником одного Н.Ф.Катановым» / отв. и науч. ред.: Р.М.Валеев, В.Н.Тугужекова и др. Подготовка к изданию, составление, комментарии, указатели Д.А.Данькиной и др. Казань: Изд-во «Артифакт», 2017 и др.

13. Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков / /Сочинения. Т.IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977.

14. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Изд. 2-е, доп. и испр. - Л., 1982.

15. Самойлович А. Н. Вильгельм Томсен и тюркология // Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. - М., 2005.

16. Валеев Р.М., Тугужекова В.Н. и др. Н.Ф. Катанов и гуманитарные Науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии. – Казань–Абакан, 2008-2009.

17. Благова Г. Ф. История тюркологии в России (вторая половина XIX – начало XX в.): в 2 ч. – М., 2013.

